

МИЛАН МАРИКОВИЧ

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО

2

ДОРОГА, КОТОРОЙ НЕТ

ПОПАДАНЕЦ. ИНЖЕНЕР. НОВЫЙ МИР.

НАСТОЯЩИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Милан Марилович

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.
Книга 2. Дорога которой нет

«Автор»

2026

Марикович М.

**МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО. Книга 2. Дорога которой нет /
М. Марикович — «Автор», 2026**

Алексей Лавров двадцать лет обследовал аварийные здания и знал: само ничего не ломается. Поэтому, очнувшись после обрушения в чужом теле, с чужими долгами и в мире, где воду запускают заклинанием, он первым делом спросил не «где я», а «кто менял настройки». Королевство Тарвен живёт на древней магической сети, которую никто не понимает: маги поют машинам Слова, гильдия бережёт свои тайны, а столица тихо выкачивает силу из провинций. Алекс не умеет колдовать. Зато он умеет мерить, считать, признавать ошибки и учить людей. Этого хватает, чтобы чинить невозможное: городской водопровод, дороги, которые исчезают с карт, систему, которую столица держит в кулаке. Только чем лучше он чинит, тем внимательнее за ним следят. Пять романов о мастере, который строит не чудеса, а сеть, где каждый город может выстоять сам. С юмором, инженерной смекалкой и командой, которой хочется доверить собственный дом.

© Марикович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Дорога в один конец	5
Глава первая. Сборы с лишним грузом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.

Книга 2. Дорога которой нет

Часть первая. Дорога в один конец

Глава первая. Сборы с лишним грузом

Серый тракт начинался сразу за последним забором Кривобродска, и начинался он так, как начинаются все великие дороги в истории человечества: с лужи.

Лужа была огромная, глубокая, древняя и, судя по всему, никогда не высыхала. В ней отражалось небо, придорожная ива и наша телега. Телегу тянул гнедой мерин Грима по кличке Аванс. Грим объяснил кличку ещё у мастерской, когда запрягал:

— Потому что всегда вперёд. И никогда не возвращается.

Аванс вошёл в лужу без всякого энтузиазма, как входит в холодную воду человек, который знает, что выбора нет. За ним, ровно, согласно маршруту, вошёл Параграф. Велар сидел в седле прямой, с папкой под мышкой, и смотрел на лужу так, будто собирался внести её в протокол. Скорее всего, собирался.

— Лужа, — сказал он. — Глубина — по колено лошади. Ширина — во всю дорогу. Существует, по словам местных, не менее ста лет. Первый дефект тракта.

— Первый на сегодня? — спросил я.

— Первый вообще, — сказал Велар. — С него начинается опись.

Ирма сидела на телеге рядом со мной, со стеклом на коленях, и смотрела назад. Туда, где над крышами Кривобродска ещё виднелась башня управы. Потом и башня скрылась за холмом. Ирма отвернулась и стала смотреть вперёд. Ничего не сказала. Она вообще почти ничего не говорила с самого утра, и я не спрашивал. У каждого свой способ уезжать из дома.

Мой способ, как выяснилось, был плохой.

Я начал волноваться ещё до лужи.

Два месяца назад я проснулся на полу чужой мастерской, в чужом теле, с чужими долгами. За эти два месяца я починил машину, которую никто не понимал, выяснил, что её двадцать лет доит столица, ошибся так, что затопило Нижний квартал, признал ошибку на площади, поделил город на шесть отсеков и зажёл под ним древний камень. Камень показал мне карту королевства с семью кольцами. Одно горело. Шесть — нет. А потом из столицы пришла бумага, в которой меня назвали объектом. И чтобы объект не увезли в Ардаград на освидетельствование, он подписал договор на ремонт дороги, которая исчезает.

Вот по этой дороге мы сейчас и ехали.

А мастерская осталась позади. С задвижками, кристаллами, помпами, журналом и регламентом на четырёх страницах. С Тессой, которой тринадцать лет. С Фаддеем, который месяц назад был младшим мастером гильдии и ещё не до конца привык, что в нашей мастерской можно говорить «я не знаю».

— Ты дёргаешься, — сказала Ирма, не поворачивая головы.

— Я не дёргаюсь.

— Ты третий раз оглядываешься на дорогу назад. Там ничего нет. Только Кривобродск. Он никуда не денется.

— А если вздох?

— Отсеки закроют.

— А если задвижку заест?

— Полшага назад, потом на себя. Тесса видела. Она помнит.

— А если...

— Лавр, — сказала Ирма. Она звала меня Лавром, когда хотела, чтобы я замолчал. Это работало лучше любого другого имени. — Ты сам написал регламент. Тесса подписала: «Принято к исполнению». Ты не веришь собственному регламенту?

Я подумал.

— Я верю регламенту. Я не верю, что мир будет вести себя по регламенту.

— Вот, — сказала Ирма. — Значит, Тесса будет разбираться с миром. А ты — с дорогой.

Я замолчал. Это было разумно. Но внутри всё равно что-то ныло, как ноет зуб, который уже вылечили, но язык всё равно к нему тянется.

Я понял, что это. В моём мире у этого было даже название. Его придумали психологи, а продавали коучи на дорогих тренингах. «Синдром незаменимого». Это когда человек годами строит дело и так привыкает быть в центре, что, когда дело наконец начинает работать без него, он чувствует не облегчение, а пустоту. Будто его уволили из собственной жизни.

Я два месяца объяснял Кривобродску, что город не должен висеть на одной нитке. А теперь, кажется, обнаружил, что сам себя считал этой ниткой.

Это было неприятное открытие. Как найти трещину в собственном фундаменте. Ты её не делал, она сама. Но жить с ней теперь тебе.

Грим, который вёл Аванса под уздцы через лужу, вылез на сухое, отряхнул сапоги и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Двадцать два дня.

— Что двадцать два дня?

— Столько, по словам купца из палаты, ехать до Солёного Брода, если тракт в духе. Если не в духе — сколько угодно. — Он достал из-за пазухи свою книгу долгов, которую, кажется, никогда не выпускал из рук, и раскрыл на чистой странице. — Овёс на две лошади. Хлеб на четверых. Постоялые дворы. Ремонт колёс, если что. Пошлина на мосту через Ветлу. Взятка на мосту через Ветлу, потому что пошлиной там дело никогда не кончается.

— Взятка? — переспросил Велар с седла.

— Добровольное пожертвование мостовому смотрителю на ремонт моста, — поправился Грим, не моргнув. — Которого никогда не будет.

Велар подумал.

— Добровольные пожертвования, — сказал он, — уставом не запрещены. Но я внесу их в опись дефектов тракта.

— Вноси, — разрешил Грим. — Только сумму запиши правильно. Чтоб потом палата вернула.

Я смотрел на них и думал, что, если бы в моём мире существовала идеальная команда для государственного подряда, она бы выглядела именно так. Один считает, сколько надо дать. Другой записывает, что дали. И оба уверены, что поступают по закону.

К полудню мы проехали Сухой Лог — деревню из двадцати дворов, где тракт перекинулся через ручей старым каменным мостиком. На мостике сидел мальчишка и удил рыбу. Рыбы не было. Мальчишка не огорчился. Он посмотрел на нас, на телегу, на Параграфа, на Велара в мундире и спросил:

— Вы на Перевал?

— На Перевал.

— Через тракт?

— Через тракт.

Мальчишка подумал. Потом сказал с глубоким сочувствием, как говорят люди, повидавшие многое:

— Ну, удачи.

И снова уставился на поплавок.

— Что он имел в виду? — спросила Ирма, когда мостик остался позади.

— Видимо, что нам понадобится удача, — сказал я.

— Удача — не категория инспекции, — заметил Велар.

— Сейчас станет, — сказал Грим.

За Сухим Логом тракт изменился. Сначала я даже не понял как. Просто ехали, ехали, и вдруг я заметил, что под колёсами уже не земля, утоптанная тысячами копыт, а камень. Серый, гладкий, ровно пригнанный, плита к плите. Тот самый камень, что я видел в древнем ходе под Водяной палатой. Тёсанный, подогнанный без щелей. Только здесь он лежал не под землёй, а прямо под небом, и по нему, местами проросшему травой, местами засыпанному пылью, катились наши колёса.

— Это они строили, — сказала Ирма тихо. Она тоже узнала. — Древние.

Я слез с телеги и пошёл рядом, глядя под ноги. Плиты лежали ровно, без перекосов, без просадок. Им было, наверное, лет триста. Или больше. Ни одна не треснула. По краям тракта, вдоль обочин, тянулись узкие желобки. Пустые, сухие, забитые пылью и прошлогодними листьями.

Я присел у одного желобка, провёл пальцем. Пыль. Камень. Ничего.

— Ирма, — сказал я. — Посмотри сюда.

Ирма спрыгнула с телеги, подошла, подняла стекло. Долго смотрела вдоль желобка, вперёд, назад, потом снова вперёд.

— Есть, — сказала она. — Тонко. Очень тонко. Почти нет. Но есть. Течёт вдоль дороги. Туда. — Она махнула рукой на восток, в сторону Перевала. — И обратно тоже течёт. Сразу в обе стороны.

— Как это — в обе стороны?

— Не знаю. — Ирма опустила стекло и нахмурилась. — Так не бывает. Поток всегда идёт куда-то. А этот... как будто не может решить куда.

Я встал и посмотрел вдоль тракта. Он уходил вперёд прямой серой лентой, через поля, к далёким синим холмам, за которыми был Перевал. Ровный. Спокойный. Совершенно обычный.

Дорога, которая не может решить, куда течёт, подумал я. Хорошее начало для подрядчика, который подписался её чинить.

К вечеру мы добрались до постоянного двора «Три подковы». Он стоял прямо у тракта, бревенчатый, двухэтажный, с конюшней и колодцем. Над дверью висели три настоящие подковы, ржавые, прибитые гвоздями. Одна висела вверх ногами. Я спросил хозяина почему.

— На удачу, — сказал хозяин, полный уса́тый мужик в переднике. — Две на удачу. А третья — на всякий случай. Если первые две не работают.

Это была, если подумать, очень здравая стратегия управления рисками. В моём мире за такую платят консалтинговым компаниям. Две основные гипотезы и одна резервная, перевёрнутая.

За ужином хозяин подсел к нашему столу. Он, видимо, нечасто видел у себя королевского инспектора в мундире и решил, что это повод.

— На Перевал, говорите, — сказал он, наливая себе пива. — По тракту.

— По тракту.

— Без проводника?

— А нужен проводник?

Хозяин посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который собирается переплыть реку и спрашивает, мокрая ли вода.

— До Мельничьей развилки — нет, — сказал он. — Там тракт ещё смирный. А за развилкой — да. Там он шалит.

— Как шалит?

— А так. Едешь на Перевал, а приезжаешь в Гнилой Затон. Или в Кривой Овраг. Или вообще никуда не приезжаешь. Едешь, едешь, а потом вечер, и ты там, откуда утром выехал. — Хозяин отпил пива. — Без проводника за развилку никто не ходит. Проводники знают, как он шалит. Где сворачивать, где стоять, где ехать с закрытыми глазами. Фома Шатун со своими. Берут недёшево, но довозят.

— А почему тракт шалит?

Хозяин пожал плечами.

— А кто его знает. Всегда шалил. Ну, не всегда. При деде моём не шалил. При отце начал. А теперь вот совсем. — Он помолчал. — Говорят, лет двадцать как.

Двадцать лет. Я переглянулся с Ирмой. Она медленно кивнула.

Двадцать лет назад в Кривобродске начали вздыхать машины.

После ужина я вышел к телеге. Проверить. Ничего проверять там было не нужно, но мне надо было что-то проверить, иначе я бы начал проверять Кривобродск, до которого было полдня пути.

В телеге, под рогожей, рядом с мешками овса и ящиком Гримовых инструментов, лежал свёрток Кума. Небольшой, обмотанный синей тряпкой, лёгкий. Я взял его в руки. Внутри что-то тихо звякнуло. Мелкое, металлическое, много.

— Не открывай, — сказал Грим у меня за спиной.

Я обернулся. Грим стоял у конюшни и смотрел на свёрток. Глаза у него блестели в свете фонаря профессиональным интересом.

— Я и не собирался.

— Врёшь, — сказал Грим. — Собирался. Я тоже собирался. Весь день. — Он вздохнул. — Звенит. Металл. Мелочь. Много. Я по звуку чую. Не монеты. Монеты звенят круглее. Это что-то с острыми краями. Обрезки. Или стружка.

— Вскрытие чужой корреспонденции, — раздался из темноты ровный голос Велара, — является нарушением пункта семьдесят второго уложения о почтовом сообщении.

Мы оба вздрогнули. Велар стоял у колодца, с ведром для Параграфа.

— Это не корреспонденция, — сказал Грим. — Это свёрток.

— Свёрток, переданный одним лицом для доставки другому лицу, — сказал Велар, — является корреспонденцией. Независимо от содержимого.

— Даже если там стружка?

— Особенно если там стружка, — сказал Велар. — Стружку никто не пересылает просто так.

Я положил свёрток обратно под рогожу.

— Это услуга, — сказал я. — Услугу не вскрывают. Довезём.

Грим посмотрел на свёрток с тоской.

— Довезём, — согласился он. — Но если по дороге он сам развяжется, я не виноват.

Сводка из Кривобродска нагнала нас на следующее утро.

Мы уже запрягли, когда с запада, со стороны Сухого Лога, подошёл обоз. Три телеги с бочками и тюками. Возчик на передней телеге, рыжий, конопатый парень, увидел Параграфа, увидел Велара, спрыгнул, подошёл и спросил:

— Мастер Лавр тут?

— Тут.

— Вам письмо. Из Кривобродска. От барышни из мастерской. Велела отдать лично, если догоню. Я догнал.

Он протянул мне сложенный вчетверо лист, перевязанный бечёвкой. На листе крупными, старательными буквами было написано: «Мастеру Лавру. Сводка. Лично».

Я развернул. Почерк Тессы. Ровные строчки, местные буквы, разлинованные от руки.

«Сводка номер один. Мастерская.

Задвижки — все шесть стоят. Вздохи — по расписанию, но слабые. Отсеки не закрывали ни разу. Кристаллы Кума светятся. Фаддей говорит, они стали ярче, потому что заряжаются от узла. Я записала.

Фаддей поменял хомут на Медной. Сам. Я проверила по регламенту. Правильно. Он очень боялся. Потом сказал: Я ошибся с прокладкой, переделал. Я записала, что он сказал я ошибся. Ему понравилось, что я записала.

Папа говорит, что вы ему всё ещё должны за капусту.

Сенька говорит, дядя Фрол теперь поёт машине по утрам не Слово, а песню. Про рыбу. Машина не возражает.

Баронесса прислала мне книгу. Старую. Про её прапрадеда. Я читаю.

Мэр приходил посмотреть на мастерскую. Спросил, будет ли табличка. Я сказала: когда вы вернётесь.

Вчера приходил человек в сером. С тростью. Спросил, куда уехал мастер Лавр. Я сказала: по делу. Он улыбнулся. Потом купил у Фаддея гвоздь. Один. Заплатил серебром. Сдачи не взял. Фаддей не знает, что с этим серебром делать. Я сказала: записать. Записали.

Всё. Тесса Рун. Принято к исполнению».

Я дочитал. Потом перечитал последний абзац. Потом ещё раз.

Человек в сером купил гвоздь. Один. За серебро. И не взял сдачи.

Ирма заглянула мне через плечо и прочитала.

— Он проверяет, — сказала она тихо.

— Кого?

— Её. Тессу. Как ты отвечала бы. Она ответила правильно. «По делу». И записала.

Я сложил сводку. Аккуратно, вчетверо, как было. Спрятал во внутренний карман, рядом с деревянной рыбкой Фрола.

Странное было чувство. С одной стороны, тревога: он там. Человек, который «внимательно следит за моими успехами», ходит по моей мастерской и покупает гвозди. С другой стороны — что-то другое. Почти гордость. Девочка тринадцати лет ответила ему так, как ответил бы я. Нет, лучше. Я бы, наверное, начал спрашивать, зачем ему знать. А она просто сказала «по делу». И записала.

Ирма была права. Мастерская работала. Без меня.

— Отвечать будешь? — спросил возчик.

— Буду, — сказал я. — Ты обратно когда?

— Через неделю. С Перевала.

— Тогда зайди к нам на Перевал. На постоянный двор. Отвезёшь ответ.

Возчик кивнул и ушёл к своим телегам. Мы выехали. Аванс шёл вперёд, никогда не возвращаясь. Параграф шёл согласно маршруту.

Вечером, на привале у ручья, я открыл новый журнал. Его дал мне Грим перед отъездом: толстый, в коже, второй из тех, что он когда-то купил для записи заказов и так ни разу не открыл. Старый журнал, мокрый, с поплывшими страницами, остался у Тессы в мастерской. Я сам оставил. Так было правильно. Это был журнал Кривобродска. А этот — дороги.

Я написал на первой странице, по-русски и ниже местными буквами:

«Журнал тракта. День первый.

Выехали из Кривобродска. Команда: Ирма, Грим, Велар. Лошади: Параграф и Аванс. Аванс всегда вперёд и никогда не возвращается.

Первый дефект тракта по описи Велара — лужа, сто лет.

За Сухим Логом начинается древний камень. Тот же, что под палатой. Плиты без трещин. По обочинам — желобки. В них — поток. Ирма: течёт в обе стороны сразу, как будто не может решить куда.

Хозяин Трёх подков: за Мельничьей развилкой тракт шалит. Едешь на Перевал — приезжаешь в другое место. Без проводников не ездят. Проводники — Фома Шатун. Тракт шалит около двадцати лет.

Двадцать лет. Как вздохи в Кривобродске.

Свёрток Кума звенит острым металлом. Не вскрываем. Пункт семьдесят второй.

Сводка номер один от Тессы. Мастерская работает. Фаддей сказал я ошибся и не умер. Человек в сером приходил, спрашивал обо мне, купил гвоздь за серебро, не взял сдачи. Тесса ответила: по делу. И записала.

Отдельно: у меня, кажется, синдром незаменимого. Два месяца учил город не висеть на одной нитке, а сам считал себя этой ниткой. Нитка уехала. Город работает. Неприятно. Но правильно.

До Мельничьей развилки — день пути. Дальше — неизвестно».

Я закрыл журнал. Над ручьём садилось солнце. Аванс и Параграф щипали траву рядом, бок о бок, как старые знакомые. Ирма сидела у костра и чистила стекло. Грим считал что-то в своей книге. Велар писал опись.

А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.